

эти маски попали в свод Д. Заана, представленный в книге «Антилопа солнца» [Zahan 1970].

Однако наибольшую ценность в привозах Д.А. Ольдерогге по культуре Западного Судана и собственно бамбара представляют земледельческие орудия, собранные в районе Бамако, Сегу и Кангаба [Ольдерогге 1966: 5–7]. Эти орудия труда собирательно в русском языке называются «мотыгами». В коллекциях МАЭ им присвоен № 6541. Впрочем, один предмет в этом собрании является топором. Можно сказать, что с известной долей условности топор в трудовых процессах в саваннах Западного Судана также вполне может быть отнесен к земледельческим орудиям, т.к. любой труд по возделыванию поля почти неизбежно предваряется и сопровождается вырубкой деревьев и крупных кустарников.

Главным же в этих сборах Д.А. Ольдерогге, а также в их осмыслении, изучении и интерпретации выступает вывод об относительной развитости суданского земледелия, отраженной в специализации форм труда и соответствующих им орудий: «Я хочу отметить, что какие-либо попытки построения однолинейного развития не могут считаться серьезными. При изучении земледелия всегда следует учитывать местные условия <...> Все увеличивающаяся дифференциация орудий свидетельствует о развитии земледельческих навыков, а следовательно, об усложнении земледельческой техники» [Ольдерогге 1966: 4].

Должен отметить, что Д.А. Ольдерогге всячески поощрял мои усилия по сбору этнографических коллекций в Республике Мали. Он давал мне первичные наставления перед отъездом в Африку по номенклатуре предметов, желательных для собирания, по способам регистрации информации о получаемых предметах, порядку отношений с властями на местах для обеспечения легитимности сборов. Не раз он вступал в контакт с Посольством СССР в Мали с просьбой содействовать сбору и перевозке вещей в СССР. Аналогичные усилия он предпринимал и в отношении Президиума АН СССР для содействия перевозке вещей в МАЭ.

Обстоятельства сбора и состав коллекций по бамбара В.Р. Арсеньева в МАЭ

Я начал сбор коллекций по культуре народов Западного Судана в конце 1971 г., работая переводчиком в Республике Мали. Основным местом моего проживания была столица страны — город Бамако.

Впоследствии мне довелось посетить также несколько районов, в основном в зоне расселения народов манде. Бамако все же был главным местом сбора коллекций, а покупка — основным путем приобретения вещей. С этим обстоятельством связаны как негативные, так и позитивные стороны самих коллекций и тех сложных и противоречивых условий, которые ныне неизбежно знаменуют любое коллекционирование.

Ко времени начала моей собирательской деятельности в Республике Мали там уже сложился рынок предметов, входящих в оборот культурного достояния. Рынок ориентировался исключительно на круги иностранных туристов и специалистов, работавших в Мали по контрактам. Он обладал весьма разветвленной сетью торговых точек в Бамако и региональных центрах. Еще в начале 1970-х годов в Бамако имелись не менее 10—15 зарегистрированных государством лавочек, где производилась торговля «антиквариатом», и не менее 20 контролируемых налоговой службой торговцев располагались в торговых рядах Большого рынка Бамако. При этом лишь один магазин по торговле «антиквариатом» принадлежал государству в рамках туристского агентства «Оффис малиен дю туризм». Товар поступал либо путем заказов ремесленникам в Бамако и его окрестностях и в таком случае представлял собой воспроизведения традиционных образцов, либо доставлялся к месту продажи сборщиками подлинных предметов бытового и культового обихода с периферии страны. Часть торговцев выступала только перекупщиками предметов, часть — сама участвовала в сборе вещей на местах. Именно последняя категория владела наибольшей и относительно достоверной информацией об обращенных в товар предметах традиционного обихода. Поставщики-торговцы-собиратели на местах определяли цену, компенсирующую с точки зрения самих традиционных пользователей вещей их потерю. Насколько мне известно, подобные торги на местах приводили, как правило, к обоюдному согласию сторон. Хотя, несомненно, бывали случаи и мошенничества, и прямых краж «антиквариата» у изначальных пользователей. Однако основная масса «антиквариата» Бамако находилась и находится под контролем властей, полиции, налоговой инспекции, Национального музея Мали.

Я могу утверждать, что на признанном государством рынке предметов культурного достояния предложение превышает спрос.

Национальный музей Мали, где собирательская деятельность в начале 1970-х годов была крайне незначительной, теперь расширил свои коллекции. Но по разным причинам, в частности бюджетного харак-

тера, эта деятельность не сопоставима с масштабами коммерциализации предметов культуры частными предпринимателями. Музею не всегда удается утвердить даже свою юридическую привилегию в вопросах регулирования сборов. Значительная часть собранных в рамках национального частного предпринимательства первоклассных предметов не попадает в Музей, а идет в обезличенную торговлю за рубеж, в антикварные лавки Дакара, Парижа, Лондона и др.

Начав собирательскую деятельность, я постоянно поддерживал тесные контакты с Национальным музеем. От его сотрудников я получал советы и консультации по поводу приобретаемых вещей, характеристики торговцев, советы по хранению и транспортировке вещей и т.д. Именно предназначением коллекций для публичного собрания в СССР, а затем и Российской Федерации объясняется то, что малийские компетентные власти не возражали ни против масштаба моей собирательской деятельности, ни против вывоза коллекций из страны.

Я благодарен малийским коллегам и официальным лицам Республики Мали за понимание целей моих усилий и реальное содействие в их осуществлении. И еще раз выражаю надежду, что собранная мною коллекция послужит залогом взаимного доброжелательного интереса и плодотворного сотрудничества между нашими странами и народами.

С учетом конкретных условий коллекционирования и его целей, согласованных с МАЭ и ныне покойным патриархом отечественной африканистики Д.А. Ольдерогге, а также материальных возможностей, которыми я располагал, было решено остановиться на представительности коллекции для характеристики культуры региона за счет массового типичного и подлинного материала. Таким образом, исключался путь собирания раритетов. Думаю, что это направление было правильным. Этнографическая коллекция имеет свои преимущества перед коллекцией художественной за счет своей документальной достоверности, научной, познавательной значимости. Тем более что по возможности я не отказывался от приобретения предметов высокого художественного уровня, добываясь таким образом компромисса между желаемым и возможным.

В результате благодаря многолетним контактам, протекавшим в ходе длительных бесед, обменов мнениями, у меня сложилась определенная система отношений, позволявшая вести коллекционирование, в основном не выезжая из Бамако. При этом знание моих малийских партнеров, уважительное отношение к ним, демонстрация не только симпатии к культурам автохтонов, но и знание их, а равно

и ответственность и шепетильность в этических вопросах компенсировали недостатки стационарного собирательского поведения. Впрочем, еще и еще раз подчеркну непреложность этической составляющей собирательства, тем более собирательства этнографического [Арсеньев 1985: 57–59].

* * *

Чем было для меня коллекционирование в Африке? Откроем! Каждый раз, отправляясь на проспект Нации или на Большой рынок Бамако, я готовился к встрече с еще никому не известными шедеврами творческого гения бамбара, фульбе, сонгаев, сенуфо, догонов и многих-многих других народов. Я был уверен, что в грудe мусора, среди пыли, тряпок, обломков мебели, паутины, среди специально подкинутых сюда «новоделов», изъедаемых усердным «старителем вещей» — жучком, обнаружу что-то неповторимо своеобразное, не встреченное ни в одном альбоме, ни в одной описи, но несущее в себе тепло рук и трепет сердца своих создателей.

В те годы проспект Наций являл собой улицу, застроенную с двух сторон по преимуществу одноэтажными домами из сырцового кирпича, с глухими стенами, обмазанными глиной, со следами побелки. Внутри прямоугольных дворов, куда выходили все основные помещения дома, шла обычная жизнь больших семей африканских городов: женщины стирали белье и готовили пищу, дети играли, старики сидели в тени навесов. Единственное проходное помещение с улицы во двор — одинокий дверной проем в наружной стене — служил, как правило, еще и лавочкой, мастерской для кого-нибудь из членов семьи. Позднее, уже к 1980-м годам, стали сдаваться внаем и другие примыкающие к улице помещения. Тогда в них прорубалась наружная дверь, а внутренняя закладывалась. В некоторых помещениях такого рода расположились златокузницы, вследствие чего у русских в Бамако эта улица именовалась «золотым рядом».

Еще в колониальное время вдоль части улицы городскими властями была сооружена водоотводная канава, наполнявшаяся всяким бытовым хламом. Не раз, подходя к лавкам «антикваров», я замечал торчавшие из зацветшей воды этой канавы рога прекрасной маски типа «чивара» или гиены «коре». Первая реакция недоумения сменялась порывом спасти «шедевры». Но спокойное и безразличное поведение хозяев «антикварных» лавок говорило о том, что все на своих местах, все как надо, нет повода для беспокойства. Действительно, несколько дней в такой «питательной среде» делали столько же, сколько добрых

два десятка сезонов дождей, естественная плесень и другие разрушающие факторы. «Реликвии», «подлинники», «свидетели поколений» творились на глазах. Сушка на солнце и неизбежные трещины, лощение руками и тряпками, пропитка маслами, гуталином и опять лощение завершали процесс старения, создания «аутентичности».

Был ли я гарантирован от таких обманов? Конечно, нет!

Ранее я имел уже опыт этнографического коллекционирования на территории РСФСР: в Пермской области [Искусство Прикамья 1987] и Карельской АССР (колл. № 6782, 26 номеров, 92 предмета).

Здесь же, в Республике Мали, требовалось предварительно осмотреться, вжиться, понаблюдать за реальными предметами бытового и культурного обихода, чтобы, уже отталкиваясь от этой реальности, пытаться собирать коллекцию. В этом отношении показательно, что я начал закупки вещей лишь через 1,5 месяца после приезда в Мали и не у антикваров, а на Большом рынке Бамако у торговцев, обеспечивающих ремесленной продукцией в первую очередь местное население.

Поначалу я имел дело с Дженебой Кумаре — сухой говорливой старухой, принадлежавшей к касте «нуму» — кузнецов. Я приобрел у нее глиняные веретенные пряслица, деревянные детские игрушки, погремушки. Продажная стоимость вещей соответствовала тому, как если бы их приобретал местный житель для своих повседневных нужд.

Впрочем, надо оговориться, что первое приобретение художественного произведения — предмета не бытового, а культового обихода — произошло несколько ранее. Но это было сделано наудачу. В качестве простого сувенира я приобрел наголовник, доступный по цене и напоминающий классические образцы пластики бамбара (№ 6711-91).

По сути, эти первые покупки были лишь предвестием систематического сбора коллекций. Подлинным толчком к коллекционированию послужила поездка в Сегу и приобретение великолепной фигурки — символа плодородия у народа бамбара (№ 6711-101), увиденной мною у входа на огород одного из жителей деревни в окрестностях Сегу [Арсеньев 1981: 103–113].

Культурная среда и факт культуры (к идентификации одной женской фигуры бамбара)

В фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого под номерами 6707, 6711, 6732, 6796 хранятся коллекции предметов материальной культуры народов Республики Мали, собранные мною